

Михаил ОДЕССКИЙ
Давид ФЕЛЬДМАН

Террор как идеологема (к истории развития)

Терминология и аксиоматика

В XX веке не раз высказывалось мнение, что революции и террор характерны для политической истории едва ли не с древнейших времен¹. Но нас интересует лишь история формирования соответствующих идеологем. Подходя к проблеме с этой точки зрения, можно отметить, что возникновение идеологемы «террор» обусловлено развитием идеологемы «революция», которая сформировалась в XVII—XVIII веках, но никак не ранее².

Террором принято именовать не только действия, обычно понимаемые как противозаконные — политические убийства, различного рода диверсии и т. п., — но и массовые репрессии, санкционированные законом. Это кажется противоречием, но на самом деле противоречия тут нет, поскольку речь идет о двух аспектах одного явления: террор как способ управления социумом посредством превентивного устрашения³. Именно превентивного, что очень важно.

Разумеется, устрашение применяется в любом социуме, где нормы права регламентируют поведение: кара, которой подвергается преступник, должна (помимо иных функций) устрашать прочих членов общества, предупреждая нарушение закона. Однако в рамках права наказание возможно лишь после того, как будет установлен факт нарушения конкретного закона, причем объект наказания — конкретный индивидуум-правонарушитель, и только он один. Это — *cotulilio sine qua non*. И сейчас, как в римском праве, постулируется: *sine legi — sine criminae, sine criminae — sine poenae*. Превентивное же устрашение отрицает законность в принципе. Здесь связь нарушителя и кары вовсе не обязательна. Репрессии могут обрушиться на тех, кто никаких законов вообще не нарушал: на родственников преступника, заложников и т. д. Превентивное устрашение используется не для охраны принятых законов,

¹См., например, о «терроризме» валашского господаря Влада III Дракулы: Florescu R., M s N a 11 y R. Dracula: A Biography of Vlad the Impaler 1431—1476. New York, 1973; о «терроризме» Ивана IV Грозного см. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

²См. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Революция как идеологема (к истории формирования). «Общественные науки и современность», 1994, № 2.

³См. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Целесообразность или необходимость? «Новый мир», 1989, № 11.

Одесский М. П. — кандидат филологических наук, заведующий отделом теории и истории литературы журнала «Литературное обозрение».

Фельдман Д. М. — филолог, старший научный сотрудник отдела источниковедения и библиографии Института мировой литературы РАН.

а для того, чтобы подавить волю социума к сопротивлению, заставив каждого беспрекословно повиноваться правительству.

Потребность в управлении посредством превентивного устрашения возникает тогда, когда ставится задача построения общества тоталитарного типа. «Тоталитаризм», по определению, лишен легитимной основы⁴. Если в авторитарном (традиционно-сословном) обществе законность власти обосновывается всеобщим признанием сакральности персоны властителя и династической традиции, а в демократическом — конституционностью выборов, то законность тоталитарного правительства обосновать нельзя ничем. Не будучи легитимным, а потому не зная сроков своих полномочий, тоталитарный лидер страшится в любой момент утратить их. Отметим, что, говоря о «страхе», мы имеем в виду не эмоции как таковые и не особенности психики тех или иных политиков, но общую социальную установку, которая, кстати, может оказывать влияние и на психику.

Страх двунаправлен. Боязнь незаконного правительства лишиться власти обуславливает превентивное устрашение социума, соответственно, правительство — объект и одновременно субъект страха. Однако тоталитарный тип общества — разновидность бюрократического, поэтому правительство декларирует, что превентивное устрашение обращено вовсе не против социума, а против врагов, угрожающих социуму. Иными словами, тоталитарное правительство навязывает общественному сознанию модель «осажденной крепости»⁵, возлагая на себя функции «командующего гарнизоном», т. е. «правительства чрезвычайного положения».

Сходный термин — «осажденный город» — использовал Ж. Делюмо применительно к истории церкви XIV—XVII веков⁶. Согласно его интерпретации, церковь, опасаясь утратить влияние, запугивала социум происками «агентов Сатаны» (ведьм, колдунов и т. п.), а уstraшенное общество санкционировало неслыханно жестокие по тому времени меры против «еретиков» и представителей иных конфессий⁷.

Мы не будем рассматривать причины, в силу которых церковь отказалась от навязывания общественному сознанию модели «осажденного города». Укажем только, что церковь веками обходилась и обходится без нее. Тоталитаризму же модель «осажденной крепости» имманентна. Дабы чрезвычайное положение, оправдывающее полномочия «командующего гарнизоном», не отменялось, угроза социуму должна быть постоянной. Если врагов нет уже или еще, правительству надлежит выдумать их, «назначить» и мобилизовать социум на устрашение такого рода «назначенцев». Все, не желающие санкционировать меры устрашения, рискуют быть объявленными врагами внутренними (пособниками внешних) уже на том основании, что в «осажденной крепости» неуместны разногласия. Ну а для санкционировавших действия правительства готовность уstraшать является — объективно — выражением страха. В тоталитарном обществе социум, как и правительство, одновременно субъект и объект страха⁸. Для обозначения этой особенности то-

⁴ См. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Революция как идеологема...

⁵ В сочинениях многих теоретиков и практиков «тоталитаризма» прослеживается модель «осажденной крепости», порою они даже буквально воспроизводят данное словосочетание. См., например, Мартов Л. Общественные движения и умственные течения в период 1884—1905 годов. «История русской литературы XIX века». Т. 5. М., 1910, с. 44; Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990, с. 337; Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991, с. 21; Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991, с. 109.

⁶ Delumeau J. La Peur en Occident (XIV—XVII): Une cite assiegee. Paris, 1978, p. 27. Образ социума- «осажденной крепости» вообще принадлежит древнейшим, архетипическим представлениям. См. Guenon R. La regne de la quantite et les signes des temps. Paris, 1945, p. 230.

⁷ Кстати, идея «общего врага», непременно соотносимая с моделью «осажденной крепости», разумеется, тоже архетипична: в годы правления императора Констанция, например, определение «враги рода человеческого», использовавшееся ранее применительно к христианам, было перенесено на тех, кого обвиняли в колдовстве (см. Лекки В. Э. Г. Рационализм в Европе. Т. 1. СПб., 1871, с. 35).

⁸ См. также A r e n d t H. The Origins of the Totalitarianism. New York, 1973, p. 306.

талитаризма мы в дальнейшем используем термин «массовая истерия», причем в аспекте, скорее, социологическом, нежели психологическом. Массовая истерия — неперемное условие успеха превентивного устрашения.

Террор — способ управления социумом посредством превентивного устрашения. Это — основополагающий государственный принцип тоталитаризма. Подчеркнем еще раз, что акции превентивного устрашения не всегда террористические, но становятся таковыми постольку, поскольку используются для управления социумом. При этом управление может подразумевать как сохранение власти, так и ее захват. Соответственно, террор — и основополагающий государственный принцип, и способ создания тоталитарного общества в условиях общества иного типа, авторитарного или демократического.

Направленность массовой истерии определяется задачами, которые ставят перед собой «террористы». В условиях борьбы за власть они провозглашают правительство источником всеобщего зла, точно так же как, пребывая у власти, объявляют все антиправительственные силы непримиримыми врагами общества. В первом случае от социума добиваются одобрения самых жестоких мер устрашения власть имущих, во втором — вынуждают санкционировать подавление противников правительства — реальных и «назначенных». Нежелание одобрить террор в обоих случаях идентифицируются с врагами общества. Иными словами, для «террористов» социум является субъектом и объектом устрашения как в период борьбы за власть, так и после ее захвата. Массовая истерия необходима им в любом случае, но если тоталитаризм опирается на «истерию солидарности» с правительством, то эффективность борьбы за власть обеспечивается «истерией неповиновения» правительству, солидарности с антиправительственными силами.

В зависимости от того, ведут ли «террористы» борьбу за власть или уже захватили ее, санкция социума выражается различно. В первом случае, когда «террористы» сравнительно немногочисленны (группа заговорщиков), санкцией является одобрение наиболее авторитетными членами социума любых действий революционеров. При этом меры, принимаемые правительством ради поддержания порядка, выдаются за попытку сохранить выгодный меньшинству строй. Во втором случае, когда «террористы» у власти, устрашенный социум — практически весь — солидаризируется с правительством. Для одних такого рода солидарность — проявление искренней ненависти к «врагам народа», внешним и внутренним, для других — следствие страха перед правительством. Кроме того, многочисленный аппарат репрессивных организаций непосредственно задействован в проведении репрессий, а значит, не только заинтересован в них, но и несет за них ответственность.

Следует отметить, что значительная часть социума может использоваться в качестве послушного орудия партией «террористов», ведущей борьбу за власть. Речь идет о так называемой «толпе» — группе, где, во-первых, сглажены социальные отличия индивидов, ее составляющих; во-вторых, ограничена численность (это не «народ», не «чернь», «крестьяне», «горожане» и т. п.); в-третьих, объединяет группу установка непременно агрессивного характера (даже если цель — защита, проявление солидарности с кем-либо преследуемым, достигается она все равно средствами агрессии); и, наконец, в-четвертых, эта группа обязательно управляемая, причем управляемая не стихийно выделившимися лидерами, а руководителями, группу сформировавшими или же заблаговременно предусмотревшими возможность стихийного ее возникновения⁹.

⁹ Принципы социологии толпы классически сформулированы в таких трудах Г. Лебона, как «Психология народов и масс», «Психология социализма», «Французская революция и психология революции», «Психология революции» (см. N у e P. A. The Origins of Crowd Psychology, London, 1975). Об интерпретации идей Лебона психологами и историками см., например, Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». В кн. Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн. I. Тбилиси, 1991; Lefebvre G. Etudes sur la Revolution Francaise. Paris, 1954, p. 278; Rude G. The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England: 1730—1848. New York; London, 1964.

Можно сказать, что «толпа» или, согласно классификации Г. Лебона, «преступная толпа»¹⁰ — своего рода единый субъект, чрезвычайно подверженный воздействию массовой истерии, а следовательно, и легко провоцируемый на акты насилия. В условиях нагнетания «истерии неповиновения» хорошо организованная и управляемая «толпа» — весьма эффективное орудие давления на правительство и устрашения его сторонников.

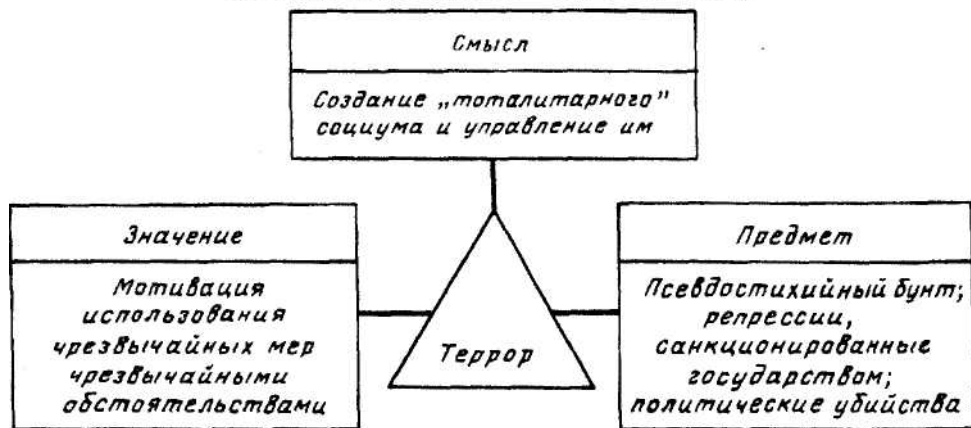
Таким образом, террор как способ управления социумом принимает различные формы: политические убийства, совершаемые заговорщиками, акции «толпы» и государственные репрессии.

Однако далеко не всегда явления, сходные с вышеперечисленными, являются формами именно террора: политические убийства — феномен почти внеисторический, они бывают обусловлены, к примеру, династическими интригами или дворцовыми переворотами, характерными для «всех времен и народов», ну а то, что иногда считают действиями «преступной толпы», может оказаться спонтанной (причем без какой-либо политической окраски) массовой реакцией на конкретные ситуации, например голод или безработицу; государственные же репрессии (пусть и массовые) порой проводятся в соответствии с принципами законности. Истребление политических противников, бесчинства «преступной толпы», диверсии и государственные репрессии становятся террором тогда и только тогда, когда в условиях массовой истерии они используются в качестве способа управления социумом посредством превентивного устрашения.

Определим терминологически описанные выше формы террора. Политические убийства, совершаемые террористами-заговорщиками с целью захвата власти в условиях нагнетания «истерии неповиновения», — «индивидуальный террор». Применение организованных групп по модели «преступной толпы» для захвата или же сохранения власти — «террор толпы». Государственные репрессии, проводимые как превентивное устрашение в условиях нагнетания «истерии солидарности» с правительством, — «государственный террор»¹¹.

В терминах, используемых Г. Фреге, можно сказать, что политические убийства, совершаемые заговорщиками, буйства управляемой «преступной толпы» и государственные репрессии с целью превентивного устрашения — предмет террора. Массовая истерия — значение террора, акцентирование признаков предмета, наиболее важных для исполнителей. Смысл террора — способ управления посредством превентивного устрашения (см. схему).

Схема, раскрывающая понятие „террор“

¹⁰ Le Bon G. Psychologie des foules. Paris, 1965, p. 96—99.

¹¹ Используемая в данной работе классификация разновидностей террора представляется нам корректной, поскольку она отражает основные этапы формирования идеологии, хотя, безусловно, возможны и другие классификации. См., например, Gross F. The Revolutionary Party London, 1974, p. 163—170; Wilkinson P. Political Terrorism. New York, 1974, p. 40.

Нас интересует прежде всего область «значения», т. е. террористический менталитет. Сюда входят: принципы осмысления террора его теоретиками и практиками — наиболее типичные схемы умозаключений, аргументация, базовые мифологемы (ситуации, герои, термины), а также характерный для террористов образ действия.

Происхождение легенды

Террор как метод управления — открытие Великой французской революции. Само слово «*terreur*», т. е. «ужас», или «устрашение», вошло в политический лексикон стараниями жирондистов и якобинцев, объединившихся в 1792 году, дабы вынудить короля заменить прежних министров лидерами леворадикальных группировок.

В качестве давления на правительство была выбрана угроза народным восстанием (по модели 1789 года), которое объявлялось неминуемым, если король не уступит. Естественно, возникал вопрос о правомерности насилия, неизбежно связанного с восстанием, вопрос об ответственности. Левые радикалы возлагали ответственность за возможные жертвы не на правонарушителей, а на короля, доказывая, что эксцессы — всего лишь стихийная реакция народа на незаконное насилие, постоянно практикуемое королевской властью. Например, депутат Законодательного собрания жирондист П. В. Верньо во время одного из выступлений воскликнул, указывая на Тюильри: «Ужас и террор (*l'epouvante et la terreur*) в прежние времена часто исходили во имя деспотизма из этого дворца, так пускай же теперь они возвратятся туда во имя закона!»¹². О терроре в контексте восстания говорили и другие идеологи революции.

Слово было выбрано не только из-за присущей ему эмоциональной заразительности. Называя террор неперемнным атрибутом деспотизма, Верньо и его соратники следовали философским традициям века Просвещения, и прежде всего традициям Ш. Монтескье. Описывая три формы государственности, которые он считал основными, Монтескье утверждал, что специфика каждой обусловлена соответствующим базовым принципом: монархия зиждется на «чести» (*honneur*), республика — на «добродетели» (*vertu*), а деспотия, будучи формой аномальной, проявлением беззакония, — на «страхе» (*crainte*)¹³. «Террор» для Монтескье — окказиональный синоним «страха», причем синоним, встречающийся крайне редко¹⁴.

Разумеется, идеологи революции, приспособливая для своих нужд авторитетную систему Монтескье, существенно изменили ее. Они были заинтересованы в максимальной дискредитации монархии и потому отождествляли ее с деспотией, словно забыв, как у Монтескье эти формы государственности противопоставлялись. Благодаря столь несложным трансформациям Людовик XVI, чтобы он ни делал, оказывался не «восстановителем французской свободы», а деспотом, устранившим и вновь пытавшимся устроить свой народ. Ну а коль так, — доказывали радикалы, — то и народ, устранив представителей власти, не попирает, но восстанавливает законность, да и вообще народ, привыкший к террору

¹² Aulard A. Les orateurs de la Revolution: La Legislative et la Convention. V. 1. Paris, 1906, p. 323.

¹³ Montesquieu Ch. De l'esprit des loix. Paris, 1955, L. III.

¹⁴ Ibid, p. 156. В данной работе мы намеренно не касаемся лингвофилософской проблемы смысловых аспектов понятий «страх» и «ужас», равным образом проблемы столь характерного для Англии XVIII века сопоставления терминов «*terrore*» и «*horrore*». Об этом см., например, Орел В. Э. Еще раз о Страхе и Ужасе. «Палеобалканистика и античность». М., 1989; Varma D. The Gothik Flame. London, 1957, p. 130—132. В политический лексикон Европы слово «террор», согласно наблюдениям исследователей, вошло еще в XIV веке, когда на французский были переведены сочинения Тита Ливия, однако во времена Монтескье широкого распространения оно еще не получило. См., например, Florescu R., McNally R. Op. cit., p. 177.

монархов; просто не знает иных средств. «Именно на низший класс человечества правительство целенаправленно воздействовало посредством ужаса (*by terror*), — писал Т. Пейн, — на низшем же классе и сказались худшие результаты этого воздействия. Низшему классу хватило здравого смысла, чтобы осознать себя жертвой утраченного и, в свою очередь, воспроизвести те примеры ужаса (*examples of terror*), на которых его воспитывали»¹⁵.

Слово «террор», став термином, ассоциировалось прежде всего с массовыми антиправительственными выступлениями, посредством которых лидеры лево-радикальных группировок устрашали противников. Практика паразитирования на «гневе народном» складывалась, конечно же, до терминологического оформления, и характерно, что пресловутый «гнев» идеологи революции обращали не только против короля.

Например, когда один из недругов Ж. П. Марата, которого тот в своей газете «Друг народа» объявил «правительственным шпионом», обратился в суд, требуя защиты от клеветы, толпа приверженцев «Друга народа», регулярно приходя на заседания суда и срывая их, в 1791 году угрозами и побоями вынудила истца забрать жалобу. Отметим, что обвинительный приговор (если б его и вынесли) не угрожал ни жизни, ни даже свободе Марата: согласно заявлению, истец настаивал лишь на публичном извинении или штрафе, наложенном на типографию. Однако Марата и его соратников масштабы предполагаемой опасности не занимали. Суд надлежало сорвать, чтобы впредь никто более не пытался найти управу на «Друга народа», а потому сторонников журналиста, каждый раз якобы стихийно собиравшихся, не остановило даже присутствие мэра. Кстати, с точки зрения стихийности собрания это достаточно характеризует их состав: почти все защитники Марата принадлежали к формировавшейся в предместьях санкюлотской организации «Победители Бастилии», а руководил ими уже тогда безызвестный А. Ж. Сантер, через полтора года возглавивший Национальную гвардию.

Алгоритм использования «стихийного волеизъявления народа» как способа давления на правительство быстро совершенствовался. И если в столице радикалы еще не могли решиться на открытый вооруженный конфликт, то в провинциях они действовали куда более агрессивно. Например, в 1792 году хорошо организованные и вооруженные группы «революционных» марсельцев ворвались в соседние Арль и Авиньон, где громили государственные учреждения, убивали, грабили, мотивируя это «антинародной» политикой городских чиновников. Марат, солидаризовавшийся с погромщиками, назвал их действия осуществлением «доктрины «Друга народа», которая еще один раз спасет Францию»¹⁶, из чего, естественно, следовало, что марсельцы вовсе не преступники, а настоящие патриоты.

Далеко не все столичные лидеры левых радикалов были столь же эпатажно откровенны, но не сложно было проследить их связь с марсельскими экстремистами. И прослеживали. А. Шенье, в частности, писал, что именно в якобинских клубах «авиньонские монстры нашли друзей и усердных защитников», именно «отсюда вышли люди, которые избавили их от тюрьмы и законного наказания», именно «здесь подстрекатели, заговорщики величали патриотами своих друзей — этих воров и убийц, отбросы рода человеческого, а жертвы сих негодяев получили ярлык врагов общества»¹⁷. И характерно, что методы, применяемые якобинцами в борьбе за власть, Шенье именует «террором»¹⁸.

Стоит отметить, что ранее — в апреле 1791 года — Шенье, нападая на радикалов, говорил не о «терроре», а о «страхе», употребляя один из расхожих

¹⁵ P a i n e Th. *Rights of Man*. «The Completed Writtings». V. 1. New York, 1945.

¹⁶ М а р а т Ж. П. Избранные произведения. Т. 3, с. 305—306. О терроре марсельцев см.

также К р о п о т к и н П. А. Великая французская революция 1789—1793. М., 1979, с. 260.

¹⁷ Chenier A. *Ouvres completes*. Paris, 1950, p. 322.

¹⁸ *Ibid.*, p. 332.

синонимов слова «*scrainte*» — «*peur*». Но и в данном случае выбор, сделанный Шенье, был не случаен. «Великим страхом» («*Grande peur*») называли слухи о некоем заговоре аристократов против крестьянства, соответственно, «страх», писал Шенье, стал оружием радикалов¹⁹. Модель терминологизации здесь та же, что и в случае с «террором»: слово, обозначавшее деспотический метод управления²⁰, меняет адресата, обозначая теперь орудие борьбы с деспотией. Очевидно, однако, что к весне 1792 года «террор» вытеснил конкурирующие идеологемы.

В 1792 году началась буквально эпидемия эксцессов: 10 августа король был арестован, и Законодательное собрание сосредоточило в своих руках всю власть, в сентябре же при полном попустительстве администрации толпы парижан врываются в тюрьмы, истребляя арестованных роялистов, дворян, священников, а заодно и просто рядом оказавшихся. Кстати, «рядом оказавшихся» было в три раза больше, чем тех, кого по каким-либо «анкетным» признакам объявили врагами общества²¹.

События сентября 1792 года вошли в историю Франции под названием «сентябрьские убийства» (или даже «резня» — «*massacre*»). Как известно, проякобински настроенные историки объясняют жестокость и массовость резни «чрезвычайными обстоятельствами» — резким ухудшением ситуации на фронте. Действительно, правительству (теперь уже не королевскому) не удалось остановить наступление войск Первой коалиции, усиленных подразделениями французов-роялистов, в связи с чем слухи о заговорах, о готовящемся роялистском мятеже не казались беспочвенными. Обстановка была напряженной, и П. Карон, анализируя эти события, указывает, что «при всех причинах для нервозности, существовавших в сентябре 1792 года, трения и столкновения неизбежны, извинимы»²². Подобные аргументы довольно убедительны, но, с точки зрения именно правительства, так ли уж «извинимы» нападения на тюрьмы, ему принадлежащие? Акция эта явно антиправительственная, значит, граждане, опасавшиеся мятежа, хоть и демонстрировали лояльность, стали, по сути, мятежниками. Так ли уж «неизбежно» попустительство новой власти мятежникам? Очевидно ведь, что сентябрьская позиция самоубийственна для правительства, чья цель — укрепить тыл и предотвратить массовые волнения.

Следует, однако, учесть, что к сентябрю 1792 года правительство не было единым в своих устремлениях. Победив, две основные лево-радикальные партии — жирондисты и якобинцы — превратились в противников. При этом жирондисты добились перевеса в министерствах и Законодательном собрании, якобинцы же опирались на городское самоуправление — Парижскую коммуну. Конфликт резко обострился 30 августа, когда Законодательное собрание приняло декрет о роспуске Парижской коммуны: лидерам ее надлежало утешиться лишь признанием собственных заслуг перед отечеством²³. И если предположить, что бесчинствами толпы якобинцы, контролировавшие ситуацию в городе, устрашали не столько потенциальных мятежников, сколько недавних союзников, то в политике попустительства никакого противоречия нет. После «сентябрьских убийств» оплот якобинства — Парижская коммуна — существовало упрочила свое положение, и вопрос о ее роспуске стал нерешаемым. Этого результата и добивались экстремисты, вот почему Дантон, занимавший пост министра юстиции, демонстративно игнорировал

¹⁹ Ibid., p. 360.

²⁰ Lefebvre G. La grande peur de 1789. Paris, 1932, p. 187; Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 414—421.

²¹ Caron P. Les massacres de septembre. Paris, 1935, p. 98—101.

²² Caron P. La première terreur (1792). I. Les missions du Conseil Exécutif provisoire et de la Commune de Paris. Paris, 1950, p. 141.

²³ Документы истории Великой французской революции в 2-х томах. Т. 1. М., 1990, с. 203.

просьбы тюремных служащих о помощи, а в разгар резни даже недвусмысленно заявил одному из них: «Мне плевать на узников»²⁴.

Для истории идеологемы «террор» события сентября 1792 года — весьма важная веха: толпами убийц и погромщиков руководила официальная организация, и акцию эту руководители демонстративно именовали «террором»²⁵. «Парижская коммуна, — гласил циркуляр от 30 сентября, — спешит уведомить своих братьев во всех департаментах, что часть содержащихся в тюрьмах кровожадных заговорщиков убита народом; это явилось актом справедливости, который казался народу неизбежным, чтобы посредством террора (*par la terreur*) удержать легионы изменников»²⁶.

Программа захвата власти посредством устрашения социума псевдодостижимыми погромами последовательно изложена в сочинениях Марата. Им же сформулировано и основное условие реализации этой программы — массовая истерия. Без «нервозности», тщательно культивируемой якобинцами, они просто не смогли бы управлять парижанами. В ноябре 1790 года Марат писал, это «великая цель» защитников народа «должна состоять в том, чтобы постоянно поддерживать народ в состоянии возбуждения до того времени, когда в основание существующего правительства не будут положены справедливые законы»²⁷. Кстати, с этой точки зрения Марат оценивал и газету «Друг народа», утверждая, что влияние газеты на революцию обусловлено прежде всего «страшным скандалом, распространяемым ею в публике»²⁸.

Считая «скандал», провоцирующий «возбуждение», залогом успеха, Марат эпатировал читателей и количественным критерием эффективности народного восстания. Напоминая о четырех правительственных чиновниках, растерзанных толпой парижан 14 июля 1789 года, Друг народа указывал: всего четыре «отрубленные головы» — и король согласился с «Декларацией прав человека и гражданина»²⁹, а значит, во сколько раз следующая задача важнее предыдущей, во столько раз больше следует отрубить голов. Строя нехитрую пропорцию в духе механицизма века Просвещения, Марат пришел, наконец, к хрестоматийной формулировке: «500—600 отрубленных голов обеспечили бы вам покой, свободу и счастье»³⁰.

Количество голов, которые надлежало отрубить во имя всеобщего счастья, возрастало постоянно. В декабре 1790 года Марат писал: «Шесть месяцев тому назад 500, 600 голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от разверзшейся бездны. Теперь, когда вы неразумно позволили вашим неумолимым врагам составлять заговоры и накапливать силы, возможно, потребуется 5—6 тысяч голов; но, если бы даже пришлось отрубить 20 тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты. Если вы не опередите ваших врагов, они варварски перебьют вас самих»³¹.

Августовский захват власти никак не повлиял на концепцию Марата. Теперь, уверял он, головы нужно рубить ради закрепления победы: «Чтобы привести в соответствие человеческие обязанности с заботой об общественной

²⁴ См. Caron P. Le massacres de septembre, p. 246. Почти два столетия культивировавшаяся легенда о якобинцах как революционерах-праведниках оказалась настолько живучей, что и сейчас обвинение Дантона и его соратников в причастности к «сентябрьским убийствам» вызывает протест у российских ученых. Ср. Александров Н., Одесский М. Пламенные революционеры — 4: Шарлотта Корде и Татьяна Леонтьева. «Независимая газета», 31 июля 1992.

²⁵ R u d e G. The Croud in the French Revolution. Oxford, 1960, p. 242—257; Rude G. Croud in History: A Study of Popular Disturbances in France and England: 1730—1848. New York, 1964, p. 106, 211—212.

²⁶ Buchez P. J. B., Roux P. C Histoire parlementaire de la Revolution francaise, ou Journal des assemblees nationales depuis 1789 jusq'en 1815. V. 17. Paris, 1835, p. 432.

²⁷ Марат Ж. П. Указ. соч., т. 2, с. 222—223.

²⁸ М а р а т Ж. П. Указ. соч., т. 3, с. 78.

²⁹ Марат Ж. П. Указ. соч., т. 2, с. 176.

³⁰ Там же, с. 185.

³¹ Там же, с. 235.

безопасности, я предлагаю вам,— советовал Друг народа,— казнить через каждого десятого контрреволюционных мировых судей, членов муниципалитета, департамента и Национального собрания»³².

Зная, что каждая его статья воспринимается лидерами Парижской коммуны как директива, Марат озаботился поиском оптимального способа управления «гневом народа». С такой задачей, пояснил он, лучше всего справились бы несколько официально наделенных особыми полномочиями координаторов, которые с помощью могущественной Коммуны объясняли бы, где и кого убить «стихийно» собравшейся толпе. Естественно, у многих новоявленных республиканцев возникали сомнения: а не предлагает ли Марат установить диктатуру этих самых «особоуполномоченных»? Нет, отвечал Марат оппонентам, бояться властолюбия координаторов не приходится: «Для гарантии их честного поведения достаточно, чтобы лицам, которым вручается государственная власть, были даны полномочия только для уничтожения врагов революции, но не для подавления своих сограждан и чтобы их миссия закончилась бы в тот же момент, когда враг не сможет больше подняться»³³. Разумеется, Друг народа не сообщил, чем «враги революции» отличаются от лояльных «сограждан», кто, если не сами координаторы, вправе определять срок истечения особых полномочий, и смогут ли «сограждане» оспорить решение координаторов, не рискуя при этом попасть в разряд «врагов революции».

«Сентябрьские убийства», ужаснувшие Францию, Марат, ничуть не смущаясь, интерпретировал как очередное доказательство своей правоты. Ведь не послушались же советов Друга народа, который, «глубоко огорченный при виде того, что террор поражает без различия всех виновных, смешивая мелких преступников с крупными злодеями, стремясь направить его только на головы главных контрреволюционеров», хотел изначально «подчинить эти бурные и беспорядочные движения мудрой воле вождя»³⁴. Иначе говоря, назначили бы координаторов, и толпа убивала бы не всех подряд, а тех, кого непременно следовало. Но, подчеркнул Марат, в любом случае беда невелика, поскольку террор поразил лишь «виновных», а невиновные в революционных тюрьмах не сидели, потому и не пострадали.

Таким образом, к осени 1792 года окончательно сложилась модель управления, которую вполне обоснованно именовали «террором». Впервые она была реализована как «террор толпы», т. е. непосредственным орудием устрашения стала якобы стихийно действующая толпа. Правда, с формальной точки зрения ситуация 1789 года (взятие Бастилии) аналогична ситуации 1792 года («сентябрьским убийствам»), но есть и качественные отличия. В 1792 году пресловутая «толпа» была практически постоянного состава, наподобие армейского подразделения, руководила ею официальная организация. Понятно, что в обстановке государственной стабильности невозможно создание подобного орудия устрашения. Вот почему основное условие реализации «террора толпы» — перманентная массовая истерия, которая по мере монополизации власти якобинцами модифицировалась: истерия неповиновения «королю-деспоту» перешла в истерию солидарности с «истинно народной» фракцией нового правительства. Итак, способ управления социумом посредством превентивного устрашения впервые был опробован в форме «террора толпы».

Партии, сознательно прибегающей к «террору толпы», приходится постоянно нагнетать «массовую истерию», отыскивать все новых и новых врагов, т. е. постоянно «продолжать» революцию. Это и есть «перманентная

³²Марат Ж. П. Указ. соч., т. 3, с. 104.

³³Там же, с. 121.

³⁴Там же, с. 159.

революция» — вторая революционная модель, которая на терминологическом уровне будет осмыслена позднее — в период якобинской диктатуры. А пока что тоталитарного социума нет, хотя за его утверждение борются при помощи адекватных средств — террора.

Логика террора

«Террор толпы» оказался для революционных группировок средством весьма эффективным — как при захвате власти, так и в ситуации междуусобицы. Однако для решения государственных задач это средство было уже недостаточным. И поскольку революционные лидеры никакими иными навыками управления, кроме террористических, не владели, «террору толпы» неизбежно предстояло модифицироваться в «государственный террор». Разумеется, модификация эта шла постепенно, и немаловажным ее этапом стал суд над королем — знаменитый «процесс Людовика XVI».

Завершившийся казнью 21 января 1793 года он изначально был, что называется, очевидным и вопиющим беззаконием: согласно действовавшей тогда конституции 1791 года, монарх, пусть и отстраненный от власти, оставался неприкосновенным, суду не подлежал. Но даже если б и подлежал — король все равно не нарушил ни одного закона, а коль так, инкриминировать ему было нечего, значит, и судить — именно судить — не за что. Тем не менее заведомо абсурдный процесс велся не только гласно, а как бы напоказ, причем с соблюдением некоторых норм судопроизводства: Людовику XVI предъявили обвинение, дали защитников и т. д., хотя никакими усилиями защитники не сумели бы спасти короля — их попросту не слушали.

Но если результат — убийство — был predetermined, зачем понадобилось добиваться его столь нелепым образом: играть в законность, демонстративно попирая законы? Зачем, наконец, затягивать расправу, если она сочтена необходимой, не проще ли прибегнуть к испытанному «сентябрьскому» способу, имитировав «гнев народа»?

Конечно, проще. Однако логика террора диктовала тогда иную схему. Суд над Людовиком XVI стал итогом соперничества леворадикальных группировок, прорвавшихся к власти.

В октябре 1792 года с инициативой уничтожения свергнутого монарха выступила контролируемая якобинцами Парижская коммуна³⁵. Для разжигания «массовой истерии» якобинцам понадобился очередной повод — борьба за возможность «отомстить тирану». У жирондистов (таких же левых радикалов) не было принципиальных возражений, но и уступить сразу они не желали. Во-первых, нецелесообразно было бы во всем соглашаться с набирающим силу агрессивным соперником. Во-вторых, как партия большинства жирондисты заботились о престиже правительства и стабильности: казнь «Божиего помазанника» провоцировала волнения в провинциях, все еще приверженных традиционным установлениям.

Ситуация открытого противостояния сложилась, и теперь жирондисты попытались, уступив, нанести ответный удар. Да, соглашались они, король и в самом деле заслужил казнь, но казнить его нужно с соблюдением необходимых формальностей: устроить гласный процесс и осудить Людовика XVI как преступника, посягнувшего на «революционную законность». Это был очень сильный ход. Прецедент судебного разбирательства неизбежно повлек бы расследование деятельности других нарушителей «революционной законности» — «сентябристов» и Марата. Опять же осуждение короля как «тирана» обуславливало репрессии по отношению ко всей августейшей семье, стало быть, возникал вопрос о такого же характера виновности примкнувшего

³⁵См. Беркова К. Н. Процесс Людовика XVI. Пг., 1920, с. 32.

к якобинцам герцога Орлеанского, и то, что он «демократически» именовал себя Филиппом Эгалите, ничего не меняло³⁶.

Якобинцы попали в сложное положение: уступка оказалась ловушкой, что, впрочем, легко было предвидеть. Вот почему надлежало устроить суд, обойдясь без расследования, т. е. подготовить уже не «стихийную» расправу, но еще и не процесс в традиционном понимании. Этим, собственно, и занялись.

К чему формальности,— заявил Сен-Жюст,— если известно, что вообще «царствовать без вины нельзя», потому «всякий король — мятежник и узурпатор», а значит, монарх виновен по определению, стало быть, разбираться не в чем, и суд должен попросту сослаться на эти обстоятельства, санкционируя вполне законную казнь³⁷. К этому же призывал депутатов Конвента и Робеспьер, причем он был гораздо откровеннее: выдвинутое народом требование казнить монарха,— объяснял бывший адвокат,— вполне законно, поскольку народ, согласно учению Локка, имеет право свергнуть тирана, и в данном случае смерть Людовика XVI не цель, а средство. Цель — «внедрить глубоко в сердца презрение к королевской власти и поразить ужасом (буквально — «de frapper de stupeur») приверженцев короля»³⁸.

Речь шла именно о «терроре» — управлении превентивным устрашением. Однако недавние союзники Робеспьера понимали, что и на этот раз якобинцы устрашают не столько роялистов, сколько жирондистов. «Да, я не стану скрывать,— восклицал в Конvente жирондист Жансонне,— существует крамольная партия, которая явно посягает на державную власть народа и хочет стать вершительницей его судеб; партия, которая лелеет преступную надежду господствовать посредством террора над Национальным Конвентом, а посредством Национального Конвента — над всей Республикой, которая, быть может, простирает свои честолюбивые замыслы еще дальше»³⁹.

В данном случае очевидно, что оратор не приемлет террор, к чему призывает и слушателей, однако ведь года не прошло, как Верньо, соратник Жансонне, требовал использовать тот же самый террор в борьбе против короля...

Якобинская схема расправы с монархом в качестве «естественного» завершения восстания оказалась неприемлемой для жирондистов, а жирондистскую программу суда над всеми нарушителями «революционной законности» не принимали якобинцы. Тем не менее суд должен быть состояться: междуусобицы не заслоняли от обеих леворадикальных группировок общую задачу — разработку новой системы управления. Тут процесс Людовика XVI пришелся очень кстати, давая возможность создать образец государственно-террористической политики, искомую модель, которой в дальнейшем надлежало следовать, т. е. убедить соотечественников, что единственный непреложный закон — «революционная целесообразность». Наиболее отчетливо идею моделирования выразил Сен-Жюст: «Не упускайте из виду,— указывал он,— что в каком духе вы осудите короля, в таком же и устроите свою республику. Теория вашего суда будет и теорией вашего правления; мера вашей философии в этом процессе будет и мерой свободы в вашей конституции»⁴⁰. Проще говоря, посредством процесса Людовика XVI коалиционное правительство убеждало народ, что «в интересах революции» осудить и казнить можно каждого гражданина, даже если тот и не нарушал законы.

Моделирование принципиально новой системы управления обуславливало введение новой поэтики, основанной на авторитетных исторических аналогиях. Наиболее очевидными здесь были казнь Карла I и провозглашение республики. Брошюры с популярным изложением соответствующих эпизодов английской

³⁶ См. Там же, с. 83.

³⁷ См. Там же, с. 50.

³⁸ См. Там же, с. 57; ср. Robespierre M. Teates choisit. V. 2. Paris, 1957, p. 71.

³⁹ Там же, с. 136.

⁴⁰ Там же, с. 50.

истории издавались тогда во множестве⁴¹. Кромвель и Карл I постоянно упоминались ораторами Конвента, однако английская параллель была отвергнута еще в 1789 году, поскольку предполагала диктатуру и реставрацию. И на сей раз английский опыт признали неудачным — по причинам юридического характера,— но лидеры якобинцев и жирондистов, доказывая этот тезис, прибегли к различным аргументам.

Смертный приговор Карлу I,— утверждал жирондист Мель,— был незаконным, хоть и справедливым, тогда как приговор Конвента будет и справедлив, и законен. Парламент «не представлял нации во всей полноте ее державной власти; он представлял ее только лишь на основании конституции. Он, стало быть, не мог ни сам судить короля, ни передавать права суда над ним другой инстанции. Он должен был поступить так же, как поступило во Франции Законодательное собрание, т. е. предложить английской нации созвать Конвент»⁴². Конвент же,— настаивал Мель,— сам создает конституцию и, по определению, представляет нацию в целом, значит, его права ничем не ограничены.

Робеспьер защищал якобинскую программу несколько иным образом, но тоже ссылаясь на необходимость отказа от «дореволюционных» законов: «Народы,— объяснял Неподкупный,— судят не так, как судебные палаты: они не выносят приговоров, а мечут громы и молнии; они не осуждают королей, а повергают их в прах, и это правосудие не уступает судебному. Если народ восстает против угнетателей для своего спасения, то может ли он применить к ним такой род наказания, который представлял бы новую опасность для него самого? Мы введены в заблуждение примерами других стран, не имеющих ничего общего с нами. Если Кромвель судил Карла I через судебную комиссию, находившуюся под его руководством, если Елизавета приговорила к смерти Марию Стюарт через посредство судей, то это естественно: тираны, приносившие себе подобных в жертву не народу, а своему собственному властолюбию, стремились обмануть простаков призрачной внешностью; речь шла здесь не о принципах, не о свободе, а лишь об интригах и обмане. Но народ? — какому закону может он повиноваться, если не справедливости и разуму, находящим опору в его всемогуществе?»⁴³.

Итак, английские параллели не годились — и с точки зрения охраны законности, и в виду ее отрицания. Куда более перспективной показалась «вненациональная» традиция тираноборчества, существовавшая, как полагали в XVIII веке, со времен античности.

(Продолжение следует)

⁴¹ Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991, с. 143.

⁴² Беркова К. Н. Указ. соч., с. 42.

⁴³ Там же.